

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА «ЭТНИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО» (НА ПРИМЕРЕ ОСЕТИНСКОГО ЭТНОСА)

А.Х. Хадикова

Статья посвящена историко-антропологическому анализу «этнического пространства» — понятия, повсеместно употребляемого, но не имеющего в этнологии определенного категориального статуса. В статье обосновывается необходимость нового осмысления учеными-этнологами многих этнических концептов в применении к конкретным народам. Специфика, сущность и содержание концепта «этническое пространство», его связь с процессами этнической самоидентификации осетин исследуется посредством двух направлений научного поиска. Первое — уточнение содержания самого понятия, второе — выявление способов его актуализации в этнической реальности осетинского этноса. Опираясь на собственный исследовательский опыт, автор утверждает, что по смысловой наполненности, структуре и инструментальной функциональности понятие «этническое пространство» соотносится с феноменом этничности и полностью его вбирает. Более того, концепт «этническое пространство/поле» содержит перспективу подъема этничности с ее конвертацией в политическую активность. У осетин качество главных маркеров индивидуальной и коллективной этнической идентичности, основных концептов этничности, очерчивающих «границы» этнического пространства, обрели реликты социогуманитарной сферы. Своеобразным «гарантом» категории этнического пространства у осетин является феномен исторической памяти. Основные ценности и символы этничности соотносимы с теми компонентами общего культурного поля, которые можно считать «доразделенными» и которые в наивысшей степени отражают обстоятельства исторического пути этого народа, включая самые ранние его этапы. В «своей» этнической среде они тесно связаны с представлениями о насущных и долгосрочных этнических интересах, и в определенных обстоятельствах именно они могут стать частью общей национальной идеи северных и южных осетин.

Ключевые слова: этническое пространство, этничность, социогуманитарные ценности, этническое наследие, этническая идентичность разделенного народа, духовное поле, этнические интересы.

The article is devoted to the historical and anthropological analysis of «ethnic space» — a concept that is widely used, but does not have a certain categorical status in Ethnology. The article substantiates the need for a new understanding of many ethnic concepts by ethnologists in the application to specific peoples. The specificity, essence and content of the concept «ethnic space», its connection with the processes of ethnic self-identification of Ossetians is studied through two directions of scientific research. The first is to clarify the content of the concept, the second — to identify ways of its actualization in the ethnic reality of a particular Ossetian ethnic group. Based on his own research experience, the author argues that the semantic content, structure and instrumental functionality of the concept of «ethnic space» is correlated with the phenomenon of ethnicity and completely absorbs it. Moreover, the concept of «ethnic space/field» incorporates the prospect of the rise of ethnicity, the actualization of which is fraught with turning to political activity. The quality of the main markers of individual and collective ethnic identity, the basic concepts of ethnicity, outlining the «borders» of ethnic space have acquired relics of the socio-humanitarian sphere. A kind of «guarantor» of the category of ethnic space of the Ossetians is the phenomenon of historical memory. The main values

and symbols of ethnicity are correlated with those components of the common cultural field, which can be considered «divided» and which reflect the circumstances of the historical path of this people, including its earliest stages. In their «own» ethnic environment, they are closely related to the ideas of vital and long-term ethnic interests, and in certain circumstances they can become part of the national idea of the North and South Ossetians.

Keywords: *ethnic space, ethnicity, socio-humanitarian values, ethnic heritage, ethnic identity of the divided people, spiritual field, ethnic interests.*

Статья является попыткой историко-антропологического анализа категории «этническое пространство» применительно к разделенному осетинскому этносу. Обращаясь к тем или иным концептам этноса, необходимо учитывать некую парадоксальность текущего момента. С одной стороны, в научной, да и в общественно-политической практике сформировалось устойчивое мнение о перспективах скорого и естественного угасания роли этнического фактора в современных мировых процессах. С другой стороны, теоретики, отвергающие этнос как реальное и устойчивое родовое явление, как своеобразный генетически-культурный способ жизни рода человеческого, получили неожиданный сюрприз. В виде весьма отчетливого «этнического ренессанса», который стал ответом на глобализационные тенденции и унифицированность окружающей среды.

Повсеместный подъем этничности решительно опроверг уверенность некоторых теоретиков в неминуемом исчезновении этноса в перспективе общечеловеческой эволюции, и уже сейчас стало очевидным смещение многих, казавшихся неоспоримыми, концепций этнического развития, исследовательских подходов и стройных идеологических доктрин. Перед современной этнологией встала задача нового осмысления стратегии интеграции этнического фактора в общечеловеческое будущее,

изучения специфики самоидентификации в процессах глобализации.

Заметим, что инициативу в решении многих этнических проблем взяли на себя социологи, психологи, политологи, отчасти философы. Востребованность этнической проблематики на междисциплинарном уровне, вне сомнений, перспективна и конструктивна. Однако нельзя отрицать и того факта, что множественность трактовок, в которых «смежники» преуспели едва ли не больше самих этнологов, способствовала некой понятийной и предметной невнятности. В частности, размыто определение сути весьма охотно употребляемой категории «этническое пространство», также большое количество дефиниций и разночтений имеет краеугольное для современной этнологии понятие «этничность».

Целью данного изыскания является выявление специфики, сущности и содержания концепта «этническое пространство», его связи с процессами этнической самоидентификации осетин — разделенного этноса. Обозначенная цель предполагает два направления научного поиска, первое из которых — уточнение содержания самого понятия, второе — выявление способов его актуализации в этнической реальности конкретных народов, в данном случае — осетин. Опираясь на определенный собственный исследовательский опыт, мы склонны утверждать, что конкретным воплощением категории «этниче-

ское пространство» должен стать концепт «этничность» с его вполне определенным смысловым насыщением — эмоциональным осмыслением социогуманитарных накоплений этноса, тех базовых ценностей, которые входят в механизм этнокультурной преемственности [1, 759].

В то же время, обращение к категориям, теоретическое осмысление которых по сию пору продолжается, требует уточнения и конкретизации их некоторых критериев. И в первую очередь — самого термина «этничность». Как известно, в инструментарии отечественной науки он долгое время не выходил за пределы понятий «этнос» и «этническая общность». Более широкое содержание и новые перспективы этого, казалось бы, распознанного явления оказались предопределены его междисциплинарной востребованностью. Не секрет, что изначально основные версии понятия «этничность» развивались в рамках теории конфликта и были сформулированы исключительно в соответствии с практическими потребностями полиэтничных государств. Советская же этнография, по понятным причинам не ориентированная на вопросы этноконфликтологии, не усматривала надобности в прицельном анализе этничности, просто не видела в ней исследовательского предмета.

Концептуализация социогуманитарного феномена «этничность» в отечественной этнографии/этнологии оттолкнулась от дискуссии, посвященной пересмотру этноса — основного понятия науки о народах. Начало её было положено в далеком уже 1992 г., когда в журнале «Этнографическое обозрение» В.А. Тишков высказал предположение, что этносы есть умственные конструк-

ции, существующие исключительно в умах историков, социологов, этнографов [2, 7]. Неудивительно, что это утверждение вызвало громкую дискуссию с участием видных отечественных этнографов. И надо сказать, что сомнений Тишкова относительно реальности главной категории этнографической науки не разделили такие авторитетные исследователи, как С.А. Арутюнов [3], В.Н. Басилов [4], Ю.И. Семенов [5] и др.

Однако интересам заявленной нами проблемы отвечают не столько итоги дискуссии (которые, кстати сказать, до сих пор не подведены), сколько некоторые детали, составляющие ее сущностный контекст. Так, толкуя этнос на высоком теоретическом уровне, каждый из именитых отечественных этнологов в аргументации собственной точки зрения упоминал о чувственном аспекте этнической самоидентификации, о личных и коллективных эмоциях, связанных с осмыслением этнической принадлежности. Факт остается фактом — не обращаясь напрямую к психологической категории коллективного бессознательного и даже не называя ее, этнологи все-таки приняли ее во внимание. Таким образом, своеобразный Рубикон был перейден, негласное табу на этнические чувства как предметную сущность науки этнографии было снято. Внимание известных этнологов (пусть в разной, иной раз и весьма незначительной степени) к эмоциональной сфере этнического бытия стало своего рода поворотным событием и повлекло за собой два весьма важных явления:

— категориальное разъединение в этнологии понятий «этнос» и «этничность» на концептуальном уровне. Теорию этничности стали развивать Арутюнов [6], Тишков и др.;

— была положена основа современному уровню интеграции гуманитарных наук в исследовании уникального феномена «этничность».

В ряду многих понятийных дефиниций этничности наиболее состоятельными нам представляются определения, сформулированные отечественными этнологами. Тишков утверждает, что это комплекс чувств, основанных на принадлежности к культурной общности [7, 15]. Э.Х. Панеш «исходное» понимание этничности связывает с совокупностью объективных признаков этноса и субъективных представлений о чертах и свойствах своего народа [8]. В данном случае этничность, на наш взгляд, абсолютно справедливо связана со свойствами этнической самоидентификации, о которой пишет и Е. И. Кобахидзе в работе, посвященной поведенческим стратегиям в межэтническом взаимодействии на Северном Кавказе [9]. Конкретизируя исследовательское поле собственно этнологии, уточним, что она формируется в нескольких аспектах — когнитивном, эмоциональном и поведенческом. Первые два пункта являются изыскательскими предметами философии и психологии, поведенческий же аспект, особенно в случае интереса к этнически опосредованным его формам, обретает в этнологии полноценное качество предмета [6].

Но, конечно же, этнологам нельзя не принимать во внимание разработки специалистов других дисциплин, в частности, чрезвычайно важны исследования психологов об эмоциональных аспектах этничности. Это и теория Г.У. Солдатовой [10] об этнических стереотипах как важнейших элементах этнического самосознания, и многие тезисы З.В. Сикевич [11], которая по-

лагает, что этничность — это групповая характеристика, обнаруживается она в сравнении «нас» с «не-нами». При этом ведущей составляющей выступают культурные различия, воспринимаемые как важные. Ученый отмечает, что этничность не существует вне сравнения и вне коммуникации, этническая индивидуальность проявляется в ходе взаимодействия одной этнической группы с другой. Для нас важно, что эту теорию целесообразно применить к разделенным народам — в методах сравнения «нас» не только с «не-нами», но еще и с частью «нас», живущих отдельно.

В отечественной науке опыт обращения к феномену этничности на эмпирическом уровне не так уж и велик. Хотя надо сказать, что для конкретизации историко-этнологического подхода в указанном исследовательском направлении и уточнения этнографического понятийного инструментария обращение к материалу конкретных народов, в особенности разделенных, может оказаться весьма полезным.

Еще раз уточним, что изыскания современных этнологов подтверждают то положение, что этничность кроется в эмоционально-оценочном восприятии этнической идентичности: этнопсихологических тонкостях, подробностях историко-культурного своеобразия каждого народа, в социально одобренных качествах личности, нравственных идеалах, коммуникативных нормах. Все перечисленное и создает образ «настоящего» осетина (к примеру). Этническим пространством этноса является ментальное поле, в пределах которого, если и не активны, то хотя бы чтятся «подлинные» и «исконные» ценности, нравственные ориентиры, мотивационные смыслы. И эта территория рас-

пространения «правильных» идеалов и «нашего» понимания жизни не зависит от административных границ. Отметим, что исключительно эмоционально-ценностный подтекст имеет и понятие «Русский мир».

Мы полагаем, что целенаправленный научный поиск концепта «этническое пространство» наиболее успешным может стать в той реальности этнической жизни, которая корректируется духовными и нравственными накоплениями предков. В случае же, когда с ними связан некий героический подтекст, на социогуманитарное пространство наследия «славных предков» могут претендовать даже соседние народы. Мы также утверждаем, что по смысловой наполненности, структуре и инструментальной функциональности понятие «этническое пространство» полностью вбирает характеристики феномена этничности. С тем только добавлением, что концепт «этническое пространство/поле» хранит перспективу подъема этничности, актуализация которой чревата обращением в политическую активность.

Актуальность научного поиска в области этничности несколько не ослабевает, в последние годы даже интенсифицируется. В частности, в связи с необходимостью разработки новой редакции Стратегии государственной национальной политики исследованиям в области этничности дан новый, дополнительный стимул [12].

Итак, по сути поле этничности, как и его «плотность», проецируется и созидается этноконсолидирующей функцией эмоций, связанных с историческим и социокультурным опытом каждого этноса. Качества, апробированные в определенных исторических,

природно-климатических и прочих гранях социокультурной эволюции этноса и «зарекомендовавшие» себя как максимально позитивные, становятся неоспоримой ценностью, частью нравственных накоплений этноса и базой формирования его этоса. Социально одобренные и хранимые многими поколениями народа, они обретают статус «исконно наших», «правильных» базовых характеристик.

Наиболее эффективным в вопросе выявления концептов этничности разделенного осетинского этноса нам представляется примордиалистский подход, в соответствии с которым факт осознания этнической принадлежности имеет генетическое, родовое (стало быть, групповое) происхождение и, соответственно, восходит к ранним этапам этнической истории. Подобная позиция отражена в теории геннокультурной коэволюции, согласно которой самую суть этничности следует интерпретировать как итог многопланового диалога генетических и культурных факторов. Этот социобиологический тезис несколько не противоречит убеждениям антропологов в том, что во все времена основные привязанности проистекают более из чувства естественной и духовной близости, нежели из потребности социального взаимодействия индивидов [13].

Если мы зададимся целью разложить на компоненты категорию этнического пространства разделенных осетин, то неминуемо придем к выводу, что его своеобразным гарантом является феномен исторической памяти. Ранее проведенные нами исследования дают основание утверждать, что у осетин основные ценности и символы этничности соотносимы с теми компонента-

ми общего культурного поля, которые можно считать «доразделенными», и которые в наивысшей степени отражают обстоятельства исторического пути этого народа, включая самые ранние его этапы [14]. Одним из весьма архаических и наиболее чтимых (северными и южными осетинами в равной мере) компонентов собственного культурного наследия является народная этика специфического воинского содержания с ее достаточно сложной и разветвленной коммуникативной базой. Достаточно парадоксальным показался нам тот факт, что даже не в доктринальной сохранности эти культурные реликты имеют статус и функции своеобразного образца, показателя, скажем так, подлинного «осетинства». Они максимально внедрены в ценностную сферу народа, собственно, в структуру его этничности.

Являясь наиболее социально-престижной частью этнического культурного наследия осетин, проецируя яркие картины исторического пути и эпох, уже пережитых, но оцениваемых как «славное прошлое», этико-коммуникативные установки, вне всяких сомнений, входят в тот пласт исторической памяти этноса, который все еще располагает вполне реальными социорегулятивными ресурсами. Как основные этноидентификационные символы, «об-

разцовые» этностереотипы с их нравственной мотивацией (даже в статусе идеалов, а не повседневных этнических реалий) сохраняют качество действенного концепта этничности северных и южных осетин, имеющих достаточно длительный опыт разделенной жизни. В той или иной степени они присутствуют и в активе его современных этнических характеристик. Мы также можем констатировать достаточно парадоксальную ситуацию, при которой реликты ушедших времен «состоят» в резерве восстановления единого этнического пространства разделенного народа [15; 16; 17; 18; 19].

Таким образом, у осетин качество главных маркеров индивидуальной и коллективной этнической идентичности, очерчивающих «границы» этнического пространства, обрели реликты социогуманитарной сферы. В «своей» этнической среде они тесно связаны с представлениями о насущных и долгосрочных этнических интересах и в определенных обстоятельствах именно могут стать частью национальной идеи северных и южных осетин.

Ориентируясь на это обстоятельство, считаем уместным обобщенное заключение о перспективности научного познания традиционных социогуманитарных ценностей в условиях общественных модернизаций.

1. Хадикова А. Х. Традиционная культура общения осетин: этнокультурные особенности и истоки формирования // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 3. С. 759.
2. Тишков В. А. Советская этнография: преодоление кризиса // Этнографическое обозрение (ЭО). 1992. № 1. С. 5-20.
3. Арутюнов С. А. Преодоление какого кризиса? // ЭО. 1993. № 1. С. 8-14.
4. Басилов В. Н. Этнография: есть ли у нее будущее // ЭО. 1992. № 4. С. 3-17.
5. Семенов Ю. И. Этнология и гносеология // ЭО. 1993. № 6. С. 3-20.
6. Арутюнов С. А. Силуэты этничности на цивилизационном фоне. М., 2012.
7. Тишков В. А. Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1-2. С. 3-38.
8. Панеш Э. Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции: (На примере Западного Кавказа). СПб., 1996.
9. Кобахидзе Е. И., Павловец Г. Г. Поведенческие стратегии в межэтническом взаимодействии народов Северного Кавказа. Владикавказ, 2009.
10. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998..
11. Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999.
12. Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики. Материалы сессии Научного совета РАН по комплексным проблемам этничности и межнациональных отношений (19 декабря 2017 г., Москва)/Под ред. В. А. Тишкова; сост. Б. А. Синанов. М., 2018.
13. Гириц К. Интерпретация культур. М., 2004.
14. Хадикова А. Х. Феномен этничности разделенного осетинского народа // Вестник СОГУ. 2012. № 2. С. 82-88.
15. Канукова З. В. Духовные истоки, указывающие путь к будущему // Алания от А до Я. Научно-популярное издание. Владикавказ, 2017. С. 8-11.
16. Багаев А. Б. Военное дело Осетии XV-XIX вв.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2009.
17. Гостиева Л. К. Традиции воспитания детей в осетинской крестьянской семье в конце XIX — начале XX века: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1981.
18. Кобахидзе Е. И. Взаимодействие традиционной и государственно-административной систем управления в истории Осетии (конец XVIII-XIX в.): Дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2002. 170 с.
19. Цориева И. Т. Пути исповедимые... Из истории основания равнинных поселений на Кавказе в конце XVIII-XIX вв. Владикавказ, 2011.